

Иван Крастев: Понять чужие травмы!

DXI

■ Иван Крастев. с.3

Суть дела

■ Валерий Фадеев. с.2

Политический опыт новой России

■ Глеб Павловский с.4-7

■ Алексей Чеснаков. с.7

Безопасность в Большой Европе

■ Борис Межуев с.8-9

■ Дмитрий Рогозин с.10

■ Федор Лукьянов с.10

■ Николай Злобин с.11

Путинский консенсус

■ Вячеслав Глазычев . . . с.12-13

■ Модест Колеров с.14

■ Вячеслав Игрунов с.14

■ Сэмюэл Чарап с.15

Дилеммы российской модернизации

■ Ольга Крыштановская с.16-17

■ Борис Титов с.18

■ Яков Паппе с.18

■ Жак Сапир с.19

Двадцать лет после «конца истории»

■ Леонид Поляков с.20-21

■ Денис Драгунский с.22

■ Михаил Ремизов с.22

■ Нику Попеску с.23

Возвращаясь к теме

■ Мэтью Рожанский с.24

Анализ того, что думает современная Россия, может исходить из разной методологии. Одна часть исследователей полагает, что следует обратить внимание на те *ценности*, которые исповедует большинство россиян и на которые в той или иной степени ориентируется правящая элита страны. Другая часть исследователей исходит из того, что ценности у

России и у Запада примерно одинаковые и следует принимать во внимание исключительно *интересы*. Я занимаю в этом споре особую позицию. На мой взгляд, помимо интересов и ценностей необходимо учитывать и **политический опыт**, который у поколения руководителей современной России особый.

Путинское поколение российской элиты — это поколение, которое обладает очень специфическим опытом. И дело не в том, что значительная часть этого поколения — выходцы из силовых структур. Политическое мировоззрение этого поколения имеет три очень важные характеристики.

Способны ли западные наблюдатели понять, как на самом деле думает Россия — об этом специально для РЖ рассуждает Иван Крастев, председатель Центра либеральных стратегий (София), главный редактор болгарского издания журнала Foreign Policy, один из организаторов конференции «Что думает Россия?», Москва, 29.06.2009—03.07.2009

Я думаю, что это поколение просто не задумывается о столь важной для наблюдателей дихотомии демократии и авторитаризма, потому что именно это **поколение пережило последовательно крах авторитаризма и крах демократии**. На опыте советского авторитаризма они знают, что простая диктатура — это то, что в длительной перспективе не работает. Они не то чтобы антисоветски настроены, просто они знают о неэффективности этой модели. С другой стороны, то, что называлось российской демократией в 1990-е, едва ли можно было вообще назвать государством в привычном смысле. Поэтому нынешние руководители просто не мыслят в категориях «демократия/авторитаризм» и, разумеется, не исходят в своих действиях из желания реализовать ту или другую модель. Такой выбор перед ними просто не стоит.

Окончание на стр. 3

Главный редактор
Глеб Павловский

Шеф-редактор
Борис Межуев

Адрес редакции
119180 Москва
ул. Большая Якиманка, д. 1.
Тел.: (495) 745-52-25
Факс: (495) 725-78-67
e-mail: info@russ.ru

ПОНЯТЬ ЧУЖИЕ ТРАВМЫ!

Окончание. Начало на стр. 1

Второе, что очень значимо для этого поколения, — **сознание того, насколько хрупки, неустойчивы все государственные статусы**. Этот шквал перемен должен был создать у переживших его людей системы ощущение постоянной небезопасности, неуверенности, незащищенности. Часто обсуждается проблема отношения представителей путинского поколения к деньгам. И меня никогда не убеждала примитивная — гедонистическая — интерпретация этого отношения. Смешно думать, что политическую элиту крупнейшей страны мира деньги волнуют исключительно как средство достижения каких-то вполне осязаемых благ. Я думаю, что для многих из этих людей в 1990-е годы деньги оказались тем фактором, который не утратил своего статусного значения, когда все прежние статусы оказались поколеблены. Едва ли они не думают о том, что ситуация неустойчивости может вернуться.

Ну и наконец, третья важная составляющая мировоззрения этого поколения — **страх массовой политики**. Все эти люди видели тысячи людей на улицах, некоторые из них сами были там. И они знают, как трудно, сидя в кабинетах, управлять улицей. Никто из них не имеет решимости Дэн Сяопина. Никто не хочет стрелять в толпу. Поэтому каждый человек, выходящий на улицу с протестным лозунгом, немедленно становится проблемой.

На Западе в то же самое время, в 1989 году, появилось поколение либералов, которое перестало бояться массовой политики. Тогда первый раз со времен, пожалуй, 1848 года люди вышли на улицы с либеральными лозунгами. И вечные оппоненты, демократы и либералы, протянули друг другу руки. **Демократию и либерализм даже начали использовать как синонимы**. А в России в результате 1980-х и 1990-х тот же

Иван КРАСТЕВ — председатель Центра либеральных стратегий (София), главный редактор болгарского издания журнала Foreign Policy

опыт массовой политики отложился в памяти как симптом неуправляемости государства и смуты.

Демократия и либерализм ранее никогда не воспринимались в Европе как союзники. Европейский Союз как объединение был и остается выражением в большей мере либеральным, чем демократической традиции континентальной Европы. Например, в 1947 году только 20 процентов французов имели право голосовать, но те, кто участвовал в выборах, выносили решение по поводу ста процентов тех политических проблем, которые выносились на повестку дня. Теперь, конечно, в Европейском Союзе могут голосовать все 100 процентов электората, однако 80 процентов проблем решаются на уровне Европейского Союза, а не на уровне национального государства. Проблема ограничительного избирательного права, разумеется, несколько изменилась, но при этом важные ограничители все равно остались.

Очень важно то, что теперь **страх перед участием масс в политике возвращается в Европу**. В результате провальных референду-

мов во Франции и Голландии то напряжение, какое существовало между демократической политикой (как массовой политикой) и политикой либеральной, вернулось на прежнее место. Интересно, что в Америке слово «популизм» никогда не имело негативной коннотации. Избирательная кампания Барака Обамы, например, представляет собой классический пример популистской мобилизации. И ни у кого в США не возникает вопроса о ее совместимости с либеральными установками.

Но самую большую разницу между Европейским союзом и Россией я вижу в том, что ЕС как проект был задуман как ответ на все те проблемы, которые были обусловлены периодическими столкновениями национальных государств. **Европейский союз — продукт страха перед угрозой национализма, который принес Европе разрушение**. С момента двух мировых войн национальное государство и его суверенитет начали восприниматься как проблема.

А Россия после краха Советского Союза как раз стала строить свое «нормальное» национальное государство и с удивлением обнаружила, что в Европе довольно сильно изменилось представление о самой этой норме.

Сравнение Европейского союза и Российской Федерации с этой точки зрения очень продуктивно. Это самые хрупкие, самые странные проекты последнего времени — таких проектов до этого времени просто не было. Никогда до этого не было такого постнационального государства, государства постмодерна, которое Европейский союз теперь стремится создать. И никогда до этого не было постимперской России как национального государства. Это два экспериментальных государства, два эксперимента, каждый из которых отнюдь не обречен на успех. ■